

ПОДХОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК К РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Б.Н. Мубаракшин

Представительство Министерства иностранных дел Российской Федерации в Казани. Россия, 420061, г. Казань, ул. Космонавтов, дом 59.

Существовавшие в советское время механизмы централизованного планирования позволяли сохранять баланс интересов между богатыми углеводородами Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном и обладающими огромными запасами водных ресурсов Таджикистаном и Кыргызстаном. После распада единого государства вторая группа стран оказалась в невыгодном положении: нефть и газ им пришлось покупать по мировым ценам, а водой, поступающей с их территорий страны, расположенные в нижнем течении рек, продолжали пользоваться бесплатно. Такое положение не могло продолжаться вечно. Начиная с середины 1990-х гг. в экспертных кругах Кыргызстана и Таджикистана всё активнее стали звучать голоса тех, кто призывал признать воду полноценным товаром и назначить за неё цену. Идея быстро нашла поддержку и в правительственных структурах: на рубеже веков в Кыргызстане были приняты законы, регламентирующие введение платного водопользования на межгосударственном уровне.

В настоящее время эксперты различных государств Центральной Азии придерживаются полярных точек зрения на развитие водохозяйственного сектора региона. Страны среднего и нижнего течения Амударьи и Сырдарьи (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан) выступают за сохранение статус-кво в региональном использовании водных ресурсов. В свою очередь, государства верхнего течения этих рек настаивают на пересмотре старой советской системы. Кроме того, они намерены построить на упомянутых реках крупные гидротехнические сооружения, с чем категорически не соглашается Узбекистан.

На фоне этих противоречий зачастую забывается или просто игнорируется тот факт, что региональный водохозяйственный комплекс является целостной системой, а потому должен развиваться в рамках единого интегрированного процесса на основе межгосударственного сотрудничества стран Центрально-азиатского региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, водные отношения, международный рынок воды, международные водные конвенции, ирригация, гидроэнергетика.

Крупнейшие реки Центрально-азиатского региона имеют трансграничный характер и используются региональными государствами одновременно в нескольких областях экономики, преимущественно в ирригации и гидроэнергетике. Первая из них является традиционной и существует несколько тысячелетий, вторая начала развиваться относительно недавно: первые гидроэлектростанции были построены в середине XX в.

Существовавшие в СССР механизмы централизованного планирования позволяли сохранять баланс интересов между богатыми углеводородами Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном и обладающими огромными запасами водных ресурсов Таджикистаном и Кыргызстаном. После распада единого государства вторая группа стран оказалась в невыгодном положении: нефть и газ им пришлось покупать по мировым ценам, а водой, поступающей с их территорий, продолжали пользоваться бесплатно.

К середине 1990-х гг. государства первой группы, используя более выгодные стартовые позиции, и прежде всего – обеспеченность топливно-энергетическими ресурсами, смогли добиться устойчивого роста своих экономик. В отличие от них Кыргызстан, а ещё в большей степени – Таджикистан к тому времени только преодолевали последствия кризиса, связанного с распадом СССР. Неравномерность экономического развития государств региона не могла не сказаться и на их отношении к вопросам трансграничного водопользования, которые пополнились новыми противоречиями и разногласиями.

Во второй половине 1990-х гг. и на рубеже веков в Кыргызстане были приняты резонансные документы:

– Указ Президента «Об основах внешней политики Кыргызской Республики в области использования водных ресурсов, формирующихся в Кыргызстане и вытекающих на территории сопредельных государств» 1997 г.;

– Закон КР «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» 2001 г.

В них были сформулированы основополагающие принципы государственной политики Кыргызстана в области использования трансграничных рек и гидротехнических объектов на них:

– признание права собственности государства на водные объекты, водные ресурсы и водохозяйственные сооружения в пределах государственных границ;

– признание воды как вида природного ресурса, имеющего свою экономическую стоимость;

– платность водопользования в межгосударственных водных отношениях.

Хотя в Таджикистане не были приняты подобные нормативные акты, как в правитель-

стве, так и в экспертных кругах разделяют позицию Кыргызстана по вопросам водопользования. В общем концептуальном виде она сводится к двум важнейшим принципам. Первый принцип – «прав собственности» – обеспечивает правовую основу требованиям пересмотра существующей в регионе системы вододеления. В соответствии с ним доля страны в пользовании водными ресурсами должна быть соотнесена с площадью орошаемых земель и объёмом потребления воды в промышленности и в коммунально-бытовом секторе.

Один из главных теоретиков такого подхода, директор Института водных проблем и гидроэнергетики Национальной академии наук Кыргызстана академик Д.М. Маматканов полагает, что советская система вододеления, основанная на принципах лимитированного потребления, является дискриминационной по отношению к горным государствам региона. К примеру, в соответствии с этим подходом Кыргызстан мог использовать лишь 25% из формируемых на его территории водных ресурсов (в основном из бассейна Сырдарьи) и за период 1967–1987 гг. его орошаемые площади увеличились всего на 186 тыс. га, тогда как в Узбекистане – на 1364 тыс. га [1, с. 14]. Схожая ситуация сложилась и в Таджикистане. Являясь основным «поставщиком» водных ресурсов в бассейне Амударьи, эта горная республика могла претендовать всего лишь на 10–11% воды, формируемой на своей территории. При этом удельное водопотребление и обеспеченность орошаемыми площадями в Таджикистане и Кыргызстане ниже, чем в Узбекистане, Казахстане и Туркмении. В частности, в Туркмении на душу населения приходится 0,41 га орошаемой земли, в Казахстане – 0,3, в Кыргызстане и Таджикистане – всего 0,14 и 0,12 га соответственно [5, с. 99]. Требование пересмотра принципов вододеления между суверенными государствами представляется закономерным и оправданным.

Второй принцип – «платность водопользования». В экспертном сообществе Кыргызстана и Таджикистана с середины 1990-х гг. активно обсуждается проблема признания воды полноценным товаром. Сторонники данного подхода опираются на так называемые *Дублинские принципы*, выработанные на Международной конференции по водным ресурсам и окружающей среде в Дублине в 1992 г. Четвертый принцип Итогового заявления конференции гласит, что «вода во всех конкурирующих видах её использования обладает экономической ценностью и должна быть признана в качестве «экономического товара».

Приверженцы идеи введения платы за воду, к числу которых можно отнести Т.У. Усубалиева в Кыргызстане, Н.А. Ашурова в Таджикистане, полагают, что вода, наряду с углеводородами, является одним из важнейших экономических ресурсов и должна иметь свою стоимость. Ни у кого не вызывают возражений установлен-

ные цены на энергоресурсы – нефть, газ, уголь. Единственное отличие водных ресурсов от углеводородных заключается в том, что последние находятся в статичном состоянии в пределах месторождения, тогда как водные ресурсы динамичны в пределах водосборного бассейна. Но при использовании и тех и других осуществляются аналогичные затраты на разведку, добычу (для водных ресурсов это накопление и регулирование стока в водохранилищах) и транспортировку к потребителям. Во многих международно-правовых документах вода рассматривается как товар, а в ряде стран она и на практике является товаром. Так например, в Японии, Индии, Австралии, на Филиппинах давно существуют водные сборы. В некоторых западных штатах США распределение воды осуществляется по рыночным ценам. Есть примеры и из внешнеторговой практики: соглашения о торговле водой действуют между США и Канадой, Турцией и Болгарией, Лесото и ЮАР.

Вместе с тем, международный рынок воды пока находится на начальной стадии формирования. Международное водное право не поощряет *чистую продажу воды* (то есть продажу только воды), на сегодняшний день более распространена так называемая *продажа услуг водоснабжения*. Упомянутое выше соглашение между США и Канадой по использованию ресурсов реки Колумбия является примером продажи услуг водоснабжения в рамках совместного управления водными ресурсами: США используют воду из плотин, построенных в Канаде. Кроме того, американо-канадские договорённости по использованию водотока Колумбии носят во многом частный характер и не являются унифицированной общепринятой международной нормой.

Исходя из существующих реалий, представляется, что в Центральной Азии можно ввести плату за водопользование. По мнению ряда ведущих учёных-водников и гидроэнергетиков региона А.К. Шапара, В.В. Болтова, Д.М. Маматканова, надлежит не оплачивать поставку воды, а возмещать эксплуатационные затраты и ущерб, нанесённый окружающей среде, упущенную выгоду в результате затопления земель и т.д. В этом случае стоимость водных ресурсов определяется издержками, понесёнными за их эксплуатацию. Так, в Кыргызстане в результате строительства гидросооружений было затоплено 47 тыс. га земель, в т.ч. более 16 тыс. га плодородной орошаемой пашни. По подсчётам местных экспертов, произведённым в начале 2000-х гг. республика из-за вышедших из сельскохозяйственного оборота земель (в результате затопления), ежегодно теряет около 3 млн долл. в текущих ценах. Примерно в ту же сумму Кыргызстану обходились ежегодные расходы на содержание гидроузлов. Ещё значительно были потери от недовыработки электроэнергии на каскаде Токтогульских ГЭС – 61,5 млн долл. в год, обусловленные тем, что в осенне-зимний пе-

риод водные ресурсы накапливались для подачи соседним государствам в сезон вегетации [1, с. 6].

Хотя при использовании такого подхода и снимаются проблемы, связанные с рассмотрением воды в качестве товара, но сразу же появляются другие, не менее сложные. На всех гидроузлах из общего комплекса сооружений очень сложно выделить элементы, обеспечивающие поставку воды, и определить их эксплуатационные затраты. При решении этой задачи непонятной остается общая схема оплаты компенсационных затрат отдельными узлами: самый нижний по течению гидроузел никому воду не поставляет и, следовательно, ему не положено никаких компенсаций, но он получает воду через все вышерасположенные гидроузлы, которым, по логике, должен возмещать эксплуатационные издержки. И всё же, несмотря высказываемые экспертами скептические замечания, такой подход, как представляется, нельзя назвать абсолютно нереальным. Во всяком случае, аналогичные инструменты платного водопользования действуют в бассейнах трансграничных рек Чу и Талас, протекающих в Кыргызстане и Казахстане. Согласно подписанному в 2000 г. между правительствами этих республик соглашению, Казахстан принимает участие в финансировании расходов по эксплуатации расположенных в Кыргызстане водохозяйственных сооружений, имеющих межгосударственное значение.

Представляется закономерным, что государства, на территории которых находятся верховья рек, и государства равнинной части региона по вопросам водопользования стоят на диаметрально противоположных позициях. Самую конфликтную позицию занимает руководство Узбекистана, которое с трудом идёт на какие бы то ни было компромиссы и постоянно находится в фокусе конфликтов вокруг регионального водохозяйственного сектора.

Позицию стран, лежащих в низовьях Амударьи и Сырдарьи, можно свести к двум положениям:

- в отличие от углеводородных ресурсов, вода – это бесплатный природный дар, не обладающий стоимостью;

- водные ресурсы, тем более трансграничных рек, не могут быть объектом собственности отдельных государств.

Такую концепцию отстаивают сотрудники расположенного в Ташкенте Научно-исследовательского центра Межгосударственной водохозяйственной комиссии Центральной Азии: В.А. Духовный, Ю.Х. Рысбеков, В.И. Соколов. Они полагают, что с учётом уникальной значимости для человека, природы и общества вода является судьбоносной, незаменимой субстанцией. Это утверждение особенно актуально в условиях аридного климата Центральной Азии, где без воды невозможно развитие земледелия – основного гаранта продовольственной безопасности и традиционной сферы занятости быстрорастущего населения. В отличие от вод-

ных ресурсов, энергия может быть получена от различных видов топлива, энергии солнца и ветра, при разделении атома. Все эти виды ресурсов относятся к разряду взаимозаменяемых. Водные ресурсы представляют собой существенный элемент природного комплекса, без которого природа не может существовать. Между тем без электроэнергии мир существовал и развивался [4, с. 17]. Указанные отличительные признаки не позволяют ставить знак равенства между водой и энергией, и, следовательно, все попытки называть воду товаром являются несостоятельными.

Существенно расходятся взгляды центральноазиатских экспертных сообществ и на проблемы международно-правового регулирования использования водных ресурсов.

В практике межгосударственных водных отношений выделяются несколько руководящих правовых принципов-доктрин:

- *Доктрина абсолютного территориального суверенитета (или доктрина Хармана)*. Согласно ей, страны «верхнего течения» могут самостоятельно распоряжаться водными ресурсами, в том числе трансграничными, формирующимися на их территории. Близким к доктрине Хармана является *принцип предшествующего водопользования (или «право первого»)*, в соответствии с которым использование трансграничных водных ресурсов должно защищать интересы государств, первыми начавших использование этих ресурсов, не создавая преимуществ в зависимости от территориальной принадлежности разных участков водного бассейна.

- *Доктрина абсолютной территориальной целостности* рассматривает трансграничную реку как общую собственность стран, по территории которых она протекает. Считается, что страны, расположенные в нижнем течении рек, имеют право требовать непрерывной подачи воды через границу соседнего государства, на территории которого находятся верховья этих рек.

- Наряду с потенциально конфликтогенными и зачастую несправедливыми моделями в распределении водных ресурсов также применимы правовые принципы «*sic utere tuo ut alienum non laedas*». В международном водном праве эта доктрина отражается в принципах «*ограниченного территориального суверенитета*» и «*ограниченной территориальной целостности*» (их можно назвать своего рода компромиссными вариантами). Согласно им, каждое государство имеет право использовать водные ресурсы на своей территории при условии, что это не наносит существенного ущерба интересам других государств.

- Наиболее прогрессивной доктриной международного водного права является так называемая *Концепция общности интересов*. В её рамках река рассматривается в качестве цельной гидрологической единицы, управление которой должно осуществляться как единым целым. Каждое государство в пределах речного

бассейна имеет право предпринимать действия против любого другого государства бассейна, если последнее оказывает воздействие на ресурс без сотрудничества и разрешения соседних государств.

С учётом теоретических положений упомянутой Концепции были разработаны важнейшие акты современного международного права в области использования трансграничных водотоков: Хельсинские правила об использовании трансграничных водных ресурсов 1966 г., Конвенция Европейской экономической комиссии ООН «Об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озёр» (Хельсинки, 1992 г.), а также Конвенция ООН «О праве несудоходных видов использования международных водотоков» (Нью-Йорк, 1997 г.). Ключевыми постулатами этих документов являются *справедливость и разумность* использования водных ресурсов, *непричинение трансграничного ущерба* и *обязательство сотрудничать в совместном управлении* речным бассейном.

В условиях Центральной Азии вышеуказанные доктрины приобретают специфическое прочтение. Государства верхнего течения трансграничных рек – Кыргызстан и Таджикистан исходят из принципа неотъемлемого суверенитета государств над природными ресурсами и предпочитают придерживаться доктрины «ограниченного суверенитета». В этих республиках полагают, что, к примеру, обеспечение собственной энергетической безопасности, в т.ч. путём строительства ГЭС, является неотъемлемым правом суверенного государства. В целях укрепления государственного суверенитета допустимо использование различных механизмов, включая разработку гидроресурсов. В условиях дефицита углеводородного сырья энергетическую безопасность надлежит обеспечить привлечением потенциала водных ресурсов, и по возможности скорее завершить строительство крупных гидроэлектростанций: Рогунской в Таджикистане и Камбаратинских в Кыргызстане.

Со своей стороны, государства среднего и нижнего течения Амударьи и Сырдарьи (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан) настаивают на соблюдении таких принципов международного экологического права, как *недопустимость нанесения трансграничного ущерба* и *экологически обоснованное рациональное использование природных ресурсов*. Казахстан и Туркменистан ратифицировали Конвенцию в 1992 г., Узбекистан – в 1997 г.

Несмотря на призывы различных международных организаций, Кыргызстан и Таджикистан не спешат присоединяться к этим международным договорам, которые обязывают учитывать интересы существующего водопользования в среднем и нижнем течении трансграничных рек. Кроме того, эти конвенции в условиях Центральной Азии де факто накладывают серьёзные ограничения на реализацию вышеупомянутых гидроэнергетических проектов,

способных повлечь за собой неблагоприятные последствия.

По убеждению узбекских экспертов, возведение крупных водохозяйственных сооружений в верхнем течении Амударьи и Сырдарьи приведёт к нарушению естественного стока рек и дисбалансу и без того хрупкого водно-экологического равновесия, что чревато не только экологическими, но и тяжёлыми социально-экономическими последствиями для стран региона. Более того, запланированное строительство этих гигантских даже по мировым меркам сооружений (по расчётам, высота плотины Рогунской ГЭС на реке Вахш, притоке Амударьи, должна равняться 350 м, а Камбаратинской ГЭС-1 на реке Нарын, главном притоке Сырдарьи – 275 м) в сейсмически сложных районах создаёт высокий риск техногенных катастроф [8]. Наиболее ёмко и красноречиво узбекскую позицию по этому вопросу выразил в сентябре 2012 г. президент Узбекистана И.А. Каримов: «Проекты сооружения новых ГЭС были разработаны в 1970–1980-х гг., когда в СССР страдали гигантоманией... За последние несколько столетий в районе строительства Камбаратинской ГЭС произошло три сильнейших землетрясения магнитудой 9–10 баллов. А если прорвёт эту дамбу, туда добавится ещё 19 млрд км³ воды из Токтогульского водохранилища. Что будет, когда эта волна высотой 50–100 м пойдёт вниз?» Сгущая краски, он заявил, что «всё может усугубиться настолько, что это может вызвать не просто противостояние, а даже войны» [3]. Альтернативу строительству подобных электростанций в Узбекистане видят в сооружении средних и малых гидроэлектростанций [2].

Напротив, эксперты и политики Таджикистана и Кыргызстана считают такую позицию необоснованной. Они склонны видеть за ней желание государств нижнего течения, главным образом Узбекистана, сохранить статус-кво в распределении региональных водных ресурсов, а в более широком контексте – доминирующее положение центральноазиатском регионе. В ответ на обвинения узбекских учёных о желании стран «верховий» нарушить региональный водный баланс в «государствах низовий» выдвигается весомый контраргумент. Представители Таджикистана упрекают Узбекистан в том, что на своей территории в нарушение международных конвенций и без консультаций с соседями Узбекистан построил десятки водохранилищ, которые позволяют концентрировать значительные объёмы стока Амударьи и Сырдарьи, усугубляя тем самым и без того бедственное положение Аральского моря [9].

В контексте анализируемых нами проблем заслуживает внимания позиция экспертов Г.Н. Петрова и В.М. Касымовой, занимающихся вопросами развития региональной гидроэнергетики. Они считают, что главной причиной существующих в водохозяйственном комплексе Центральной Азии конфликтов является имма-

нентный кризис орошаемого земледелия и ирригации. Об этом убедительно свидетельствуют данные по динамике пользования водно-земельных ресурсов в бассейне Аральского моря. Здесь в период так называемого мелиоративного бума площадь орошаемых земель увеличилась с 4,5 млн га в 1960 г. до 7,6 млн га к концу 1980-х гг., расход воды соответственно увеличился с 60,61 км³ до 116,27 км³, поднявшись до показателя среднемноголетнего объёма стока бассейна, который составляет 116,5 км³ [6, с. 63]. С учётом резкого роста численности населения региона (в 1960 г. – 14,6 млн, в 2013 г., по оценке, 66,3 млн человек), этот кризис будет непременно усиливаться. Поэтому дальнейшая ориентация на использование водных ресурсов преимущественно для орошаемого земледелия является тупиковым путём развития. Необходимо осваивать также другие виды использования воды. И на первом месте здесь, безусловно, находится гидроэнергетика. Гидроэнергетика при правильном к ней отношении является не только не конкурентом ирригации, но, наоборот, может быть её союзником, утверждают они. Гидроэнергетика значительно более прибыльна, чем ирригация. Так, прибыль от работы крупной Нурекской ГЭС в Таджикистане при сегодняшних тарифах на электроэнергию превышает стоимость всего хлопкового урожая хлопка в этой республике. Развитие гидроэнергетики, по их мнению, может помочь разумному сокращению площадей орошения технических культур, что, в свою очередь, будет способствовать оздоровлению экологической ситуации в бассейне Аральского моря.

Естественно, что при таком подходе развитие гидроэнергетики будет осуществляться в основном в «странах верховий», а площади орошения будут сокращаться в странах среднего и нижнего течения, что только обострит конфликт между ними. Это неизбежно, если предлагаемая стратегия будет осуществляться только в национальных рамках. Но в реальности сегодня ни Таджикистан, ни Кыргызстан не способны построить ни одного крупного гидроузла за счёт собственных средств. Поэтому для развития гидроэнергетики необходимо привлечение внешних инвестиций. Как полагает Г.Н. Петров, «создаваемая в результате этого совместная собственность будет способствовать интеграции стран Центральной Азии, позволяя при этом решать национальные задачи для каждой из них» [7, с. 31].

В настоящее время в государствах Центральной Азии как в научной среде экспертов-водников и гидроэнергетиков, так и в правительственных кругах придерживаются совершенно различных, фактически полярных точек зрения на развитие водохозяйственного комплекса региона. Равнинная группа стран, расположенная в среднем и нижнем течении Амударьи и Сырдарьи, отстаивает приоритетность использования региональных водных ресурсов прежде всего в орошаемом земледелии,

■ Экономика

называя его гарантом социально-экономической стабильности всего региона. Со своей стороны, менее развитые горные страны региона наиболее перспективными направлениями развития своих экономик видят строительство новых гидроэнергетических сооружений.. Представляется, что конструктивный подход к решению сложного комплекса проблем развития водного

хозяйства Центральной Азии должен быть основан на принципиальном осознании того факта, что водная система является целостной. Ее развитие должно происходить в рамках единого интегрированного процесса, залогом достижения которого может стать сотрудничество между странами региона.

Список литературы

1. Вода и устойчивое развитие Центральной Азии: материалы проектов «Региональное сотрудничество по использованию водных и энергетических ресурсов в ЦА» (1998) и «Гидроэкологические проблемы и устойчивое развитие ЦА» (2000). Бишкек: «Элита», 2001. 179 с.
2. Водную проблему региона решат только небольшие ГЭС — замминистра// Электронная газета «Gazeta.uz». 20.03.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mfa.uz/ru/cooperation/aryl/1404/> (дата обращения: 25 марта 2013).
3. Все ходы записаны... Москва и Бишкек «пролонгировали» взаимоотношения // МК Азия. 25 сентября 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://old.mk.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=4543:2012-09-25-06-38-37&catid=59:&Itemid=29
4. Духовный В.А. Управление водными ресурсами Центральной Азии – на пути к водно-энергетическому согласию. Ташкент: НИЦ МКВҚ, 2010. 35 с.
5. Маматканов Д.М. Реформирование современных межгосударственных водных отношений при использовании трансграничных водных ресурсов в бассейне Аральского моря: тез. материалов конференции «Вода основа жизни и человеческого существования». Душанбе, 2003. 175 с.
6. Петров Г.Н., Ахмедов Х.М. Комплексное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии. Современное состояние, проблемы и пути решения. Душанбе: Дониш, 2011. 234 с.
7. Петров Г.Н. Проблемы использования водно-энергетических ресурсов трансграничных рек в Центральной Азии и пути их решения. Душанбе, 2009. 34 с.
8. Проблемы Арала и водных ресурсов региона // Официальный сайт МИД Узбекистана. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mfa.uz/ru/cooperation/aryl/1404/> (дата обращения: 12 апреля 2014).
9. Таджикистан обвиняет Узбекистан// Сайт информагентства Таджикистана «Asia-Plus». 03.04.2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-obvinyaet-uzbekistan> (дата обращения: 12 апреля 2014).

Об авторе

Мубаракшин Булат Наилевич – третий секретарь Представительства МИД России в Казани. E-mail: bmubarakshin@rambler.ru.

CENTRAL ASIAN REPUBLICS' APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL HYDROECONOMIC SECTOR

Bulat Mubarakshin

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Representation in Kazan 59 Kosmonavtov Street, Kazan 420061, Russia.

Abstract: *Mechanisms of centralized planning during the soviet period enabled to maintain balance of interests among hydrocarbon-rich Kazakhstan, Uzbekistan Turkmenistan on one hand and having enormous reserves of water Tajikistan and Kyrgyzstan on the other. After the collapse of the united state the latter group found out themselves under disadvantage: they have to buy oil and natural gas at world prices. At the same time downstream countries have continued to use their water resources at no cost. This standing cannot go on forever. Since the middle of the 1990s expert circles of Kyrgyzstan and Tajikistan have been urging to recognize water resources as full-fledged goods. The idea is also met support in governmental circles. At the turn of the century Kyrgyz authorities even adopted notorious laws to regulate the introduction of paid water consumption at interstate level.*

Today expert circles of various Central Asian republics take polar views on the development of regional hydroeconomic sector. Midstream and downstream countries of Amu Darya and Syr Darya (Uzbekistan, Kazakhstan and Turkmenistan) insist on retaining of the status quo in regional water distribution. At the same time the upstream countries persist in revision of old soviet system of water distribution. In addition, in spite of categorical protest of Uzbekistan, they are going to construct a number of large hydrotechnic buildings in the rivers. Among this antagonisms they often forget or just disregard the fact that the hydroeconomic sector is a comprehensive whole and therefore should develop within one integrated process on the basis of interstate cooperation of the regional republics.

Key words: Central Asia, water relations, international water market, international water conventions, irrigation, hydropower sector.

References

1. Voda i ustoichivoe razvitie Tsentral'noi Azii: materialy proektov «Regional'noe sotrudnichestvo po ispol'zovaniyu vodnykh i energeticheskikh resursov» (1998) i «Gidroekologicheskie problemy i ustoichivoe razvitie» (2000). [Water and sustainable development in the Central Asia: materials of projects «Regional cooperation in the use of water and energy resources in CA» (1998) and «Hydroecological problems and sustainable development in CA»] Bishkek, «Elite», 2001, 179 p. (In Russian)
2. Vodnuyu problemu regiona reshat tolko nebolshie GES – zamministra [Only small hydropower plants can solve water problem of CA – Deputy Minister]. Electronic newspaper «Gazeta.uz», 20 March 2013. Available at: <http://mfa.uz/ru/cooperation/aryl/1404/> (accessed 25 March 2013)
3. Vse hody zapisany... Moskva i Bishkek «prolongirovali» vzaimootnosheniya [All moves fixed... Moscow and Bishkek «prolonged» relations]. MK – Asia, 25 September 2012. (In Russian)
4. Dukhovny V. Upravlenie vodnymi resursami Tsentral'noy Azii – na puti k vodno-energeticheskomu soglasiyu [Management of the Central Asian water resources – in the way to water-energy consent]. Tashkent, SIC ICWC, 2010. 35 p. (In Russian)
5. Mamatkanov D. Reformirovanie sovremennykh mejgosudarstvennykh vodnykh otnosheniy pri ispol'zovanii transgranichnykh vodnykh resursov v bassejne Aral'skogo morya: tezis materialov konferentsii «Voda - osnova jizni i chelovecheskogo suschestvovaniya» [Reforming contemporary interstate water relations in the use of transboundary water resources in the Aral Sea basin: materials of conference «Water is the basis of life and human existence»]. Dushanbe, 2003. 175 p. (In Russian)
6. Petrov G., Ahmedov G. Kompleksnoe ispol'zovanie vodno-energeticheskikh resursov transgranichnykh rek Tsentral'noy Azii. Sovremennoe sostoyanie, problemy i puti resheniya. [Complex use of water-energy resources of transboundary rivers of the Central Asia. State-of-the-art, problems and solutions]. Dushanbe, Donish, 2011, 234 p. (In Russian)
7. Petrov G. Problemy ispol'zovaniya vodno-energeticheskikh resursov transgranichnykh rek v Tsentral'noy Azii i puti ikh resheniya. [Problems of the use of water-energy resources of transboundary rivers of the Central Asia and their solutions]. Dushanbe, 2009, 34 p. (In Russian)
8. Problemy Arala i vodnykh resursov regiona [Problems of the Aral Sea and water resources of the region]. Official site of the MFA of Uzbekistan. Available at: <http://mfa.uz/ru/cooperation/aryl/1404/> (accessed 12 April 2014)
9. Tadjikistan obvinyaet Uzbekistan [Tajikistan blames Uzbekistan]. «Asia-Plus» media agency. 3 April 2012. Available at: <http://news.tj/ru/news/tadjikistan-obvinyaet-uzbekistan>(accessed 12 April 2014).

About the author

Bulat N. Mubarakshin – Kazan representation of Russia's MFA, third secretary. E-mail: bmubarakshin@rambler.ru.